

Михаил Бредис - филолог, автор книг по истории Балтии
Елена Тянина - историк-медиевист, археолог

Данники Руси или вассалы «Земли Кривской»? Отношения Руси и Литвы в XI веке.

Сведения о контактах Литвы и Руси в XI в. отрывочны, хотя само географическое положение двух земель должно было обусловить их тесное взаимодействие. Не случайно, первое упоминание Литвы в Кведлинбургских анналах сопряжено и с упоминанием Руси. До конца прошлого столетия на весь XI век мы имели всего два датированных упоминания о Литве: под 1009 годом в Кведлинбургских анналах, и под 1040 годом в «Повести временных лет», где сообщается о походе на Литву киевского князя Ярослава Мудрого (1016-1054 гг.).¹

Но Кведлинбургские анналы не дают никаких сведений о том, в каких отношениях находились Литва и Русь, для их автора эти страны – лишь географический ориентир, позволяющий локализовать место гибели св. Бонифация. А сообщение русской летописи под 1040 годом указывает лишь на сам факт единичного похода киевского князя против Литвы, но не проливает свет ни на его причины, ни на его результат. Та же «Повесть временных лет», но в своей недатированной части, называет литву начала XII в. в числе «иных языщей» (то есть народов, не говорящих на славянских языках), которые платили дань Руси.² Эти два сообщения историки, как правило, связывали между собой, говоря о том, что именно поход Ярослава на Литву привёл к установлению даннических отношений. Кроме того, в некоторых работах связывается литовский поход Ярослава и строительство Новогрудка Литовского со ссылкой на известие Новгородской IV летописи: **«В лето 6552 (1044). Ходи Ярославъ на Литву; а на весну заложу Новъгородъ и сдела и».**³ Эти гипотезы, в свою очередь, вступали в противоречие с письменными свидетельствами второй половины XII в., где Литва

¹ ПСРЛ Т. I., М., 2001, стб. 153. В Новгородской I лет. известие о походе стоит под 1044 г. (ПСРЛ Т. III. М., 2000. С. 181.).

² ПСРЛ Т. I. М., 2001 Стб. 4

³ ПСРЛ Т. IV, Ч. I. М., 2000. С. 116. Впервые эта версия была высказана В. Н. Татищевым.

определённо находится в сфере влияния Полоцкого княжества. Это противоречие присутствует и в фундаментальных научных трудах по средневековой истории края. Например, российский историк и археолог Л. В. Алексеев, не отрицая результатов похода Ярослава Мудрого, в то же время говорит о том, что Литва в XII в. платила дань не Киеву, а Полоцку.⁴ При этом вопроса о том, каким образом завоёванные киевским князем земли оказались под властью полоцких князей, он не ставит.

В 80-90-е годы XX столетия короткий список ранних сведений о Литве и литовцах неожиданно пополнил новый источник, позволивший по-иному взглянуть на взаимоотношения Литвы с Русью в XI в., – новгородская берестяная грамота № 590. Крупный скрученный обрезок бересты с короткой фразой в самой глубине свитка – *«Литва встала на Корелу»*. Грамота практически сразу же была определена как донесение лазутчика. В ней не было имён ни отправителя, ни адресата, что традиционно для обычных берестяных писем, лишь причудливый тамгообразный знак слева от текста, напоминающий скрипичный ключ. На характер военного донесения указывал и сам короткий текст письма.

Обретение этого источника имело свою непростую историю. Грамота была найдена в 1981 году на Нутном раскопе Торговой стороны Великого Новгорода. Но этому уникальному документу не повезло. В первой публикации грамота была, по необъяснимым причинам, отнесена к 17-му строительному ярусу раскопа, датированному 1182-1212 гг.⁵ И поначалу с ней логично связывались события 1191 года, когда новгородцы вместе с карелами выступили против еми, а потом собирались в поход на Литву.⁶ Но все эти построения пришлось отвергнуть после уточнения даты грамоты в начале 1990-х годов, хотя, к сожалению, прежняя ошибочная датировка и по сей день используется в научной литературе.⁷ Спустя десятилетие полевые материалы Нутного раскопа были проанализированы и опубликованы П. Г. Гайдуковым. Именно он указал на ошибку в датировке

⁴ Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX- XIII вв. М, 1966, с. 263

⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977 – 1983 гг.). М., 1986. С. 50-51.

⁶ ПСРЛ, Т. III, с. 39-40.

⁷ Mindaugo knyga Vilnius 2005. С. 41-42

грамоты более чем на сто лет. Она относилась не к 17, а к 22-23 ярусу и была найдена у основания деревянного сруба, сооружённого, согласно дендрохронологии, в 1066 году.⁸

Такое удревнение даты поначалу породило лишь недоумение. Если на конец XII в. широкая внешняя активность литовцев ни у кого не вызывает сомнения, то какие-то военные стычки между литовцами и карелами в 60-70-е годы XI в. казались невероятными. Однако В. Л. Янин всё же предположил связь берестяного текста с единственным в своём роде военно-политическим событием, в котором действительно и карелы, и литовцы могли принять активное участие. Он связал берестяную грамоту № 590 с одной из самых драматических страниц истории Новгорода XI в. – войной с полоцким князем Всеславом Брючиславичем (1044-1101), а точнее с предысторией сражения на реке Гзени, состоявшегося 23 октября 1069 года.⁹

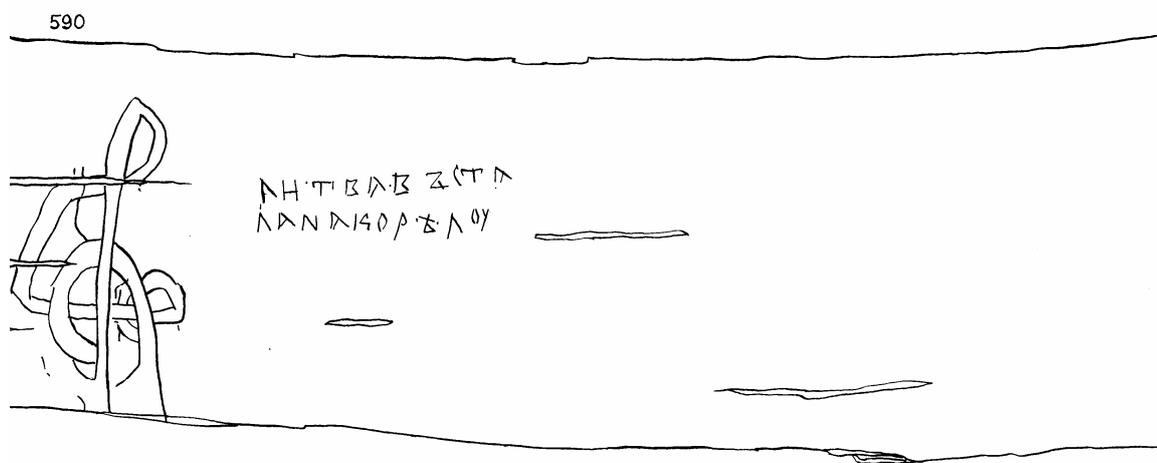
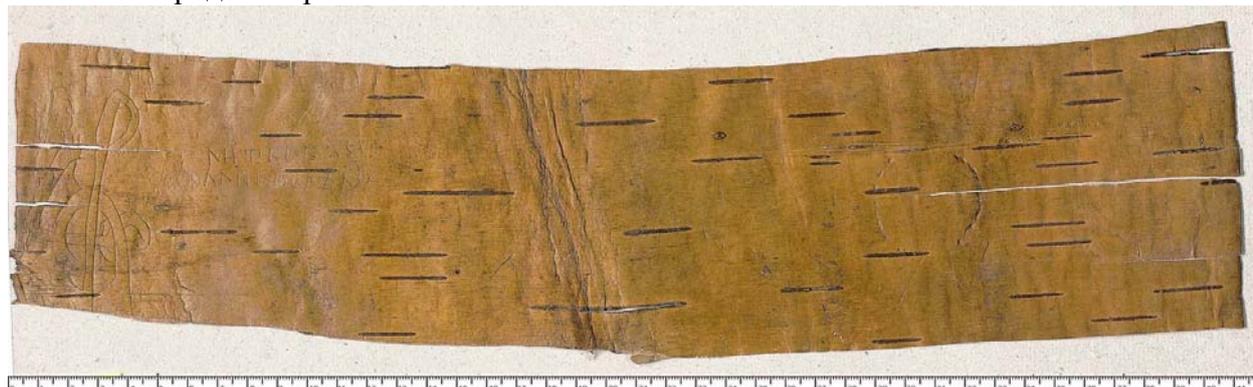

Рис.1 Новгородская грамота №590.

Рис.2 Новгородская грамота №590.

Война Всеслава Полоцкого с Новгородом вспыхнула тремя годами ранее, вопрос о её причинах до сих пор является предметом дискуссии. При этом одной из наиболее вероятных причин могло послужить столкновение интересов Полоцка и Новгорода в Прибалтике, куда оба княжества активно распространяют своё влияние как раз в XI веке. Драматические, а подчас достойные приключенческого романа события этой войны и их главный герой Всеслав Полоцкий, были воспеты даже средневековым поэтом – автором «Слова о полку Игореве».

В ходе конфликта Всеслав напал на Новгород дважды. В 1066 году, разгромив дружину новгородского князя Мстислава Изяславича на р. Черехе под Псковом и заставив его бежать в Киев, он захватил северную столицу Руси, сжёг её и подверг невиданному унижению – сорвал с кафедрального храма св. Софии колокола и паникадила.¹⁰ Затем основные события войны переместились на юг. Русские князья, сыновья Ярослава Мудрого, в ответ на разгром Новгорода стёрли с лица земли полоцкую крепость Менск, а 3 марта 1067 года сошлись в битве с Всеславом близ неё на р. Немиге. Полоцкий князь проиграл сражение, оставив поле боя Ярославичам, но о страшных потерях победителей автор «Слова о полку Игореве» вспоминал даже через сто с лишним лет.¹¹

В июле 1067 г. Ярославичи пригласили Всеслава на мирные переговоры, где вероломно пленили его и заключили в поруб (подземную тюрьму) в Киеве. Но осенью следующего года на Русь обрушилось первое крупное нашествие половцев. Соединённая дружина русских князей была разгромлена в сражении на р. Альте, в Киеве началось восстание, в результате которого Всеслав был освобождён и провозглашён киевским князем вместо сбежавшего в Польшу Изяслава Ярославича.

¹⁰ ПСРЛ, т. III, с. 17, 161.

¹¹ «Немизе кровави брезе
не бологомъ бяхуть посеяни –
посеяни костьми русскихъ сыновъ»

Весной 1069 г. Изяслав возвращается с польскими войсками, а его противник неожиданно тайно покидает войско киевлян и убегает в Полоцк.¹² Именно по возвращении Всеславом был предпринят второй военный поход на Новгород, с которым В. Л. Янин и связал обстоятельство появления грамоты с упоминанием литовцев. Вот как описывает это событие Новгородская I летопись: *«Въ то же лето[1069], осень, месяца октября въ 23, на святого Якова брата господня, въ пятнични, въ час 6 дни, опять приде Все[славъ]. къ Новугороду [съ Вожань]; новгородци же поставиша пълкъъ противу ихъ, у Зверинця на Къземли; и пособи богъ Глебу князю съ новгородци. О, велика бяше сеця Вожняномъ, и паде ихъ бещисльное число; а самого князя отпустиши бога деля».*¹³

На первый взгляд, сопоставлять эти события с грамотой № 590 нет видимых причин. В летописной статье не упомянуты ни литовцы, ни карелы. Но всё же эти два текста связаны напрямую и помогают детально восстановить картину второго новгородского похода Всеслава. Финно-угорский народ вожане (вoдь), упомянутые здесь как участники битвы на стороне полоцкого князя, жили на южном берегу Финского залива, между р. Нарвой и Невой.¹⁴ Их выступление в качестве союзников Всеслава в его борьбе с Новгородом вполне объяснимо. Вожане и в более позднее время пытались противостоятъ новгородской экспансии в свои земли. Но там же проживала и южная часть карел, отселившаяся сюда в X веке, а в XIII в. получившая имя ижоры. Именно с этими «ижорскими» карелами надёжно отождествляются карелы из грамоты № 590.¹⁵ И в отличие о вожан, карелы в источниках XII-XIII вв. выступают верными союзниками и вассалами Новгорода.

Но откуда взялись литовцы, проживавшие на территориях, сильно удалённых от вожан и карел? Они были западными соседями Полоцкой (или как

¹² ПСРЛ. Т. I. С. 166-174.

¹³ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. Стр. 17

¹⁴ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. с. 34-38.

¹⁵ Шилов А. Л. Историко-географические комментарии к берестяным грамотам № 248, 272, 590// Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород, 2009. с. 139-140.

её еще называли летописцы – «Кривской») земли, и участие их в событиях 1069 г. можно объяснить лишь тем, что они пришли в составе дружины князя Всеслава.¹⁶ Именно при такой трактовке событий суть военного донесения новгородского лазутчика становится ясной.

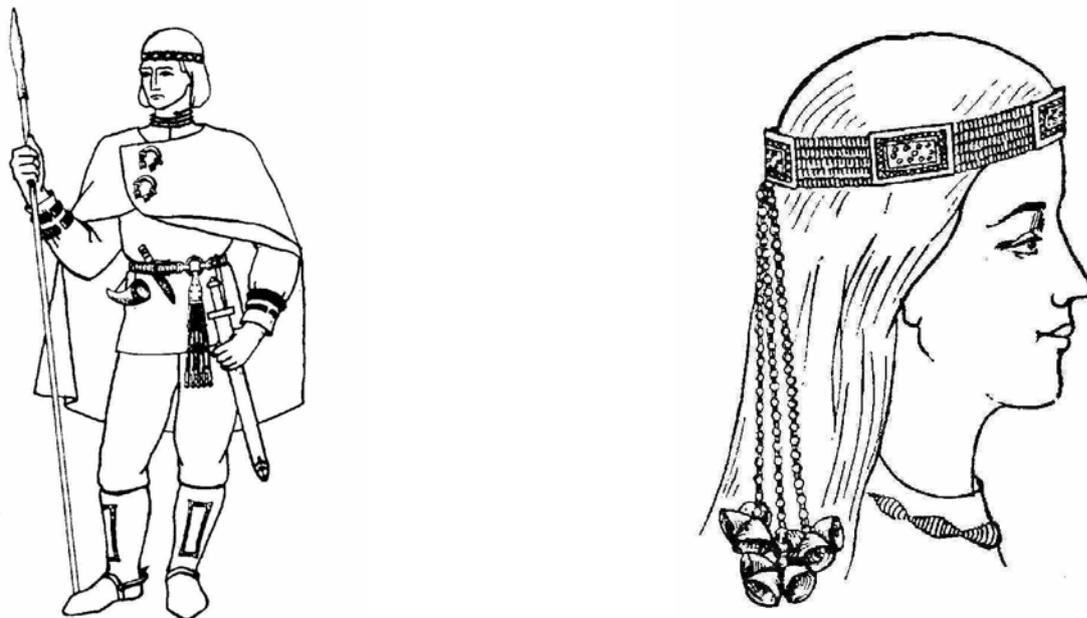

Рис. 3 Жемайтский воин и литовская женщина (кн Volkaitė-Kulikauskienė R., *Lietuvių tautybės susidarymas// Lietuvių etnogenezė.*-Vilnius, 1987)

Всеслав со своей княжеской дружиной, в составе которой были и литовцы, пришёл в Водскую землю, чтобы соединиться с войском союзных ему вожан и идти на Новгород. Но там же живут и карелы, которые либо изначально саботируют поход, либо переходят на сторону Новгорода в ходе его подготовки. Возможно, что конфликт между литовцами Всеслава и ижорскими карелами был вызван благодаря подрывной деятельности новгородских лазутчиков, о чём один из них донёс в город. Донесение было прочитано адресатом на одной из усадеб Славенского конца Новгорода и брошено (или спрятано?) у стены недавно выстроенного дома, где и её нашли археологи через 900 с лишним лет. И также

¹⁶ Янин В. Л. Новгородская берестяная грамота № 590, с. 145

более чем вероятно предположение В. Л. Янина, что именно разлад в войске Всеслава привёл к его тяжёлому поражению на Гзени, завершившемуся гибелью большого количества его союзников вожан. Понесла потери и княжеская дружина (в том числе, видимо, и литовская её часть), коль скоро в летописи говорится о пленении самого Всеслава.

Сведения грамоты № 590 о литовцах в составе дружины полоцкого князя позволяют пролить свет и на последующие события с его участием. Разбитого на Гзени Всеслава продолжают преследовать неудачи. Примерно в то же время (возможно, воспользовавшись его поражением на Гзени) главный враг полоцкого князя Изяслав Киевский захватывает столицу его княжества и сажает в нём на стол поочерёдно двух своих сыновей – Мстислава и Святополка. «Всеславу же бежавшю», – сообщает летописец, умалчивая, однако, о том, куда он бежит. Известно лишь то, что в 1071 году он вновь возникает из небытия и возвращает себе полоцкое княжение, теперь уже до конца жизни.¹⁷ Версия Л. В. Алексеева, что князь бежал в Тмутаракань выглядит фантастической, тем более что сам автор объясняет её только тем, что этот город был «пристанищем всех изгоев».¹⁸

Но если мы знаем об активной помощи полоцкому князю со стороны литовцев, то куда логичнее выглядит предположение, что Всеслав бежал в Литву – к своим союзникам, которые вместе с ним участвовали в битве на Гзени. Новгородский летописец сообщает о больших потерях вожан, но вряд ли столь ошутимому разгрому подверглись и литовцы, чья дружина в войске Всеслава составляла не столь значительную часть, иначе бы сведения о них попали на страницы летописи. И именно в Литве полоцкий князь за столь короткий срок (полтора года) мог собрать новых воинов, при помощи которых он вернул себе «отень стол».

До находки грамоты № 590 древнейшее упоминание о литовцах в составе дружин полоцких князей относилось к рубежу 50-60-х годов XII в.¹⁹ Но теперь

¹⁷ ПСРЛ Т. I. Стб. 174

¹⁸ Алексеев Л. В. Полоцкая земля... С. 248.

¹⁹ ПСРЛ. Т. II. М., 1998, стб. 519

можно с уверенностью сказать, что подобные отношения между Литвой и Полоцком сложились на столетие раньше, и что в грамоте № 590 содержится древнейшее свидетельство о характере взаимоотношений Литвы и Руси вообще. Литовцы выступают в них не данниками киевского князя, покорёнными им в результате военного похода, напротив, они сражаются на стороне Полоцка в его противостоянии с Киевом и Новгородом. Есть все основания предполагать, что литовские отряды принимали участие и в других сражениях этой войны – на Черехе и на Немиге. И что они впоследствии помогают Всеславу Полоцкому изгнать из родовой вотчины своих противников (тех же киевских князей), а не используют его поражение и изгнание со стола для освобождения из-под «даннического гнёта».

Такие отношения, возможно, следует определить как носящие характер вассалитета, при котором метрополия не вмешивалась во внутреннюю (политическую и религиозную) жизнь подвластной земли, а зависимость ограничивалась выплатой определённого размера дани и участием в военных кампаниях. Любопытно, что на подобную форму отношений указывает и поздний московский памятник – т. н. «Сказание о первых князьях литовских». Сообщая о времени до первой четверти XII века, его автор пишет, что: *«Литва въ ту пору дань даяше княземъ Полоцкымъ, а владома своими гетманы»*.²⁰ О военном союзе здесь ничего не говорится, но эту картину прекрасно дополняют сведения, полученные благодаря находке грамоты № 590.

Сомневаться в предположении, что Литва к началу XII в. была в орбите влияния именно Полоцка, а не Киева, вряд ли следует и по другой причине. Среди «иных языщей», перечисленных в списке данников Руси, непосредственно рядом с литовцами упомянуты земгалы, курши и ливы. Само предположение, что Киевская Русь в начале XII в. имела влияние в столь значительной части Прибалтики, выглядит невероятным. А вот Полоцкое княжество действительно вело активную экспансию в Прибалтику вплоть до появления там немецких

²⁰ ПСРЛ. Т. VII, С. 164-165

рыцарей. И эта экспансия должна была начаться как раз в период наивысшего расцвета Полоцка, который падает на время Всеслава Брючиславича. При этом непосредственно примыкающая с запада к «Земле Кривской» Литва должна была оказаться в сфере интересов полоцкого князя намного раньше, чем земли ливов или земгалов.

Но тогда при чём тут Ярослав Мудрый, который ходил в поход на эти же земли в 1040 году? Это летописное сообщение относится к разряду т. н. «глухих». В нём не сообщается не только о том, что киевский князь обложил литовцев данью и подчинил Руси, но и вообще о каких-либо результатах похода. Для киевского летописца подобное умолчание было бы странным, имей военное предприятие Ярослава столь успешный результат.

Вторым важным моментом является то, что предшествующий поход Ярослава 1038 года на ятвягов, якобы создавший плацдарм для покорения Литвы, по летописным свидетельствам, был неудачен²¹. Нет ятвягов и в упомянутом выше списке данников Руси. Предположение о связи литовского похода Ярослава со строительством Новогрудка также основано на недоразумении. Сообщение об этом Новгородской IV летописи восходит к Новгородской I летописи, где его вторая часть выглядит следующим образом: *«а на весну же Володимерь заложит Новгород и сдела и»*.²² Речь идёт о новгородском князе Владимире Ярославиче (1036-1052 гг.), имя которого было просто пропущено поздними переписчиками. И, конечно же, о строительстве им укреплений Новгорода Великого, в котором он княжил, а не Новогрудка Литовского. При таких обстоятельствах нонсенсом выглядит не только вероятность завоевания Ярославом Литвы в обход неподчинённых ятвяжских территорий, отделявших его владения от этого края, но и сам военный поход в эти земли непосредственно из Киева. Вторгнуться в Литву киевский князь мог не с южной, а лишь с восточной стороны – с территории Полоцкого княжества.

²¹ «...и не може ихъ взяти». Это дополнение содержится и в Новгородской IV, и в Софийской I летописях (ПСРЛ Т. IV. Ч. I С. 114, Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 178)

²² ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 181

Между Ярославом Мудрым и отцом Всеслава Брячиславом Полоцким (1001-1044 гг.) с 1021 года существовал военно-политический союз, согласно которому полоцкий князь «до живота своего» воевал вместе с Ярославом.²³ Такого рода соглашения обычно были обоюдными, и киевский князь также брал на себя обязательства участия в военных кампаниях союзника. Кроме того, неудачный поход Ярослава на ятвягов мог стать дополнительным стимулом для киевского князя к такому участию, так как ятвяги и литовцы могли быть союзниками. Киевский же летописец, следивший лишь за деятельностью собственного князя, не упомянул в своём сообщении Брячислава и не указал на результат похода. С итогами этой кампании скорее нужно связывать основание не Новогрудка, а полоцкой крепости Брячиславль на границе с Литвой и Латгалией (нынешний Браслав на северо-востоке Беларуси), по археологическим данным возникшей в XI веке и названной в честь князя Брячислава.²⁴

Каким образом всего за четверть века обычные даннические отношения Полоцка с Литвой переросли в военный союз, сказать трудно. Скорее всего, это происходит уже непосредственно при Всеславе. В период его правления полоцкая экспансия в Прибалтику приобретает скорее торговую, чем военную окраску, а именно такая политика могла способствовать превращению данничества «ради мира» в более прочные отношения реального вассалитета. И в результате, в 60-е годы XI в., когда Всеслав Брячиславич разорвал мирный договор с Киевом, его литовские вассалы остаются на его стороне и бок о бок с полочанами воюют с общим противником.

Известный литовский историк Э. Гудавичюс определяет в судьбе Литвы вторую половину XI – начало XII вв. двойственно. С одной стороны, это время «упущенных возможностей» для развития государственности, вследствие попадания Литвы в зависимость от Руси. Но с другой стороны, то же самое время определяется исследователем как период «сложения викингского литовского

²³ ПСРЛ Т. IV, ч. I М., 2000. С. 111

²⁴ Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978. С. 56-58.

общества, где лодку заменил конь».²⁵ Последний вывод прекрасно совпадает с известием о военно-политическом союзе Литвы и Полоцка, впервые сложившимся в момент противостояния Новгороду и Киеву в войне 1066-1071 годов.

²⁵ Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времён до 1569 года. М. 2005, с. 29.